Диляра Брилева

Концепция «нового мусульманина» между двумя революциями (по материалам журнала «Шура», 1908–1917)

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-417-433

Diliara Brileva

The Concept of "New Muslim" between the Two Revolutions on the Pages of "Shura" Journal (1908–1917)

Diliara Brileva — A. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine). diliarabrileva@gmail.com

The periodical press of the Tatar Muslims of the Volga-Urals region of the Russian Empire, which was published between the two Revolutions of 1905 and 1917, was a public platform that allowed geographically dispersed communities of Muslims in Russia to lead open discussions of various urgent social issues. The "Shura" journal became one such platform that responded to challenges coming from large-scale social changes in Russia and in other key regions of the Islamic world (Al-Nahda in Egypt, the decline and collapse of the Ottoman Empire). The "Shura" provided criticism of what was "backward" in the current state of the Muslim communities and created an image of a "new Muslim" capable of leading a decent life in a changing world.

Keywords: Russian Empire, Islam in Russia, the Tatar periodical press, "Shura" journal, Muslims in the Revolution of 1905, Muslims in the Revolution of 1917.

Татары-мусульмане между двумя революциями

К НАЧАЛУ XX в. татары-мусульмане Поволжья и Приуралья являлись частью России уже на протяжении трехсот пятидесяти лет. Этот исторический опыт существования в российском контексте, а также географическое расположение в центральной части государства делали их отличными от дру-

гих регионов Российской империи, на которых компактно проживали мусульмане: будь то Центральная Азия, Кавказ или Крым. Несмотря на имевшиеся «объединяющие» факторы, такие как формальная общность языка[1] и религии, с другими тюрками-мусульманами, можно говорить и о существовавших различиях. К примеру, язык газеты «Терджиман»/«Переводчик», которая издавалась в 1883–1918 гг. в Бахчисарае известным издателем и педагогом Исмаилом Гаспринским (1851–1914) на русском и тюркском языке, был сложным для восприятия большинством поволжских татар и был во многом схож со староосманским языком[2]. Существенными были и различия этнографического характера, которые позволяли мусульманам Волго-Уральского региона рассматривать жителей Центральной Азии или Кавказа как «других мусульман»[3].

В то же время даже мусульмане Волго-Уральского региона, дольше других находившиеся в составе Российской империи, к началу XX в. являлись скорее частью «собственного Востока России»[4], который представлял интерес преимущественно для

1. Для образованной части тюркоязычных сообществ Российской империи, проживавших в разных ее частях, диалектные различия не являлись существенными, прежде всего, по причине того, что письменный язык изобиловал общими для всех тюрок-мусульман арабизмами и фарсизмами. Более того, арабская графика, которая использовалась мусульманами, предполагала обозначение на письме лишь согласных звуков. Это позволяло носителю другого диалекта прочитать написанное в соответствии со своей фонетической традицией.

2. Подробнее см. *Брилева Д.С.* И. Гаспринский и газета «Терджиман» в журнале «Шура» (1908–1917) // Исламоведение. 2015. № 2 (24). С. 11. Это же справедливо и для женского журнала «Алеми нисван» («Женский мир»), издававшегося под редакцией дочери Гаспринского Шефики Гаспринской в 1906–1911 гг. также в Бахчисарае.

3. Так, в своих статьях мусульмане Поволжья и Приуралья описывали различные аспекты жизни мусульман (проблема образования, «женский вопрос» и ряд других), проживавших в других регионах Российской империи, в этнографическом ключе, акцентируя внимание не столько на формальной религиозной общности (например, «мусульмане Волго-Уральского региона и Центральной Азии, являющиеся суннитами, относящимися к ханафитской правовой школе»), сколько на поведенческо-бытовых отличиях.

4. Вера Тольц в понятие «собственный Восток России» включает Кавказ, Туркестан и неевропейские сообщества Западной и Восточной Сибири и Поволжья, а также восточные государства и общества, граничащие с Российской империей (*Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 17.).

востоковедов, чиновников и миссионеров[5]. Как отмечает В. Бобровников, мусульмане привлекли к себе внимание империи массовым возвращением новокрещеных в ислам в 1866 г., и «в идеологии империи укрепились ориенталистские представления о необходимости упрочения православия посредством крещения и обрусения инородцев»[6]. «Собственный Восток России» являлся не столько территориальной категорией, сколько этно-конфессиональной, поскольку отношения выстраивались с *другими*, неправославными, подданными империи, в частности, исходя из их религиозной принадлежности.

Российская империя не только в идеологическом, но и в институциональном смысле покоилась на конфессиональных основах: метрические книги православных и мусульман, которые носили конфессиональный характер[7], представляли собой «параллельные миры», где переход из одной в другую был возможен лишь в одну сторону — в сторону православия. Существование в России гражданского строя, при котором разделение общества на обособленные компоненты осуществлялось преимущественно по конфессиональному признаку, обуславливало и самоопределение населения. Конфессиональные предпосылки несправедливостей в отношении тюркоязычных мусульманских народов естественным образом приводили к тому, что движение за самоутверждение воспринималось как мусульманское[8].

В информационном плане общероссийская русскоязычная пресса обходила стороной события, которые происходили в мире российских мусульман, отдавая предпочтение «польскому» и «ев-

5. *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. С. 443.

6. *Бобровников В.О.* Два исторических этюда о мусульманах империи (рец. на: Allen J. Frank. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910; Paul W. Werth. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905) // Вестник Евразии. 2003. № 1(20). С. 201.

7. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 126. Подробнее о мусульманских метрических книгах см.: *Усманова Д.М.* Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.) //Ab Imperio. 2015. № 2. С. 106–153.

8. *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 344.

рейскому вопросам»[9]. В то же время периодическая печать татар-мусульман, появившись в 1905 г., демонстрировала интерес к материалам, переведенным с русского языка, а также к отдельным именам русской культуры[10]. В языке прессы использовались новые русскоязычные заимствования, которые, вероятно, во избежание возможных разночтений, печатались с использованием кириллической графики. Такие вкрапления русских букв и русского текста в арабографической прессе татар-мусульман на визуальном уровне достаточно ясно позволяют увидеть соотнесенность с российским контекстом[11]. Участие мусульман Российской империи в политической жизни, например, в деятельности общероссийских партий, не было широко распространенной практикой[12].

Пресса татар-мусульман и дискуссии о прогрессе

Манифест 17 октября 1905 г., объявивший свободу совести, слова, собраний и союзов, способствовал большему включению поволжских татар-мусульман в общероссийский контекст. Так, появление прессы на «национальном» языке, которое по определению сложно поддавалось контролю, также стало возможным отчасти благодаря всеобщему накалу страстей, предшествовавшему первой Русской революции 1905–1907 гг. и подписанию Манифеста. Вслед за этим в массовом порядке стала издаваться пе-

9. *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. С. 443–444.

10. Так, в наиболее авторитетном журнале своего времени журнале «Шура» выходили статьи, приуроченные сначала 80-летию Л.Н. Толстого, а затем в связи с его кончиной: Лев Николаевич Толстойның 80 еллык бәйрәме // Шура. 1908. № 17. 542 б.; Граф Толстой вафаты // Шура. 1910. № 22. 704 б.; Г.Ф. Граф Лев Николаевич Толстой // Шура. 1910. № 23. 705–706 б.; № 24. 737–739 б.; 1911. №1. 1–4 б.; Г.Х. Толстой фикере // Шура. 1917. № 4. 91 б.

11. Впоследствии переход татар-мусульман с арабской графики на латиницу в 1928 г. и на кириллицу в 1939 г. позволил ускорить процесс их интеграции в Советскую Россию. В случае преобладания религиозной идентичности отдельные представители мусульманского населения стремились сохранить включенность в исламский дискурс через использование арабской графики. Таким примером являлся муфтий Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири / ДУМЕС Габдел(ь)бари Исаев (1975–1980), который даже в конце 1970-х гг. вел активную переписку с Фарсой Ахатовым, имамом подпольной мусульманской общины Киева, на старотатарском языке на основе арабской графики (*Брилев Д.* «Запретный» ислам в советской Украине // Islamology. № 7(2). 2017. С. 161.).

12. *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. С. 125.

риодическая печать на тюрко-татарском языке[13], которая очень скоро стала площадкой для обсуждения наиболее важных вопросов современности. Среди них: проблема этно-конфессионального (*милли*) образования, вопрос благосостояния мусульман как во всем мире, так и в Российской империи, а также «женский вопрос» и ряд проблем религиозного характера. До появления бума периодических изданий на тюрко-татарском языке, эти проблемы поднимались в рамках трактатов отдельных богословов, а также на страницах нелегальной прессы и уже упомянутой газеты «Терджиман» («Переводчик»). Однако выпуск многочисленных изданий[14] разных направленностей (посвященные вопросам религии, воспитания и образования, экономики, права, а также женские, детские и сатирические) позволил татаро-мусульманскому дискурсу выйти за узкие рамки трактатов на страницы периодической печати, вовлекая при этом значительно более широкий круг читателей и авторов писем-статей. Это, в свою очередь, позволяло обсуждать нюансы в рамках конкретных поднимаемых проблем.

Настоящее исследование построено на анализе материалов, опубликованных на страницах журнала «Шура» («Совет»)[15]. Данное издание выходило в свет в 1908–1917 гг. в Оренбурге под редакцией известного богослова, историка, писателя, публициста Ризаэтдина Фахретдина (1859–1936), который также был *кади (казый,* религиозный судья) Оренбургского магометанского собрания — ОМДС — в 1891–1906 гг.[16] и позднее *муфтием* Цен-

13. До революции 1905 г. многочисленные инициативы по выпуску периодических изданий на тюрко-татарском языке, предпринимавшиеся на протяжении всего XIX в., пресекались, и в течение долгого времени единственной подобной газетой был «Терджиман»/«Переводчик» (1883–1918). Подробнее об истории печати татар-мусульман в начале XX в. см.: *Амирханов Р.У.* Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток — Запад»: (на примере развития русской культуры). Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

14. Справедливости ради стоит отметить, что далеко не каждое издание выходило в течение продолжительного времени, часть изданий была ограничена выпуском нескольких номеров или была вынуждена менять название (*Амирханов Р.У.* Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток — Запад»: (на примере развития русской культуры). С. 54).

15. В названии журнала «Шура» использовался персидский вариант написании этого слова с буквой «алиф» на конце, вместо буквы «алиф максура» как его принято писать в арабском языке.

16. Для занятия публицистической деятельностью Р. Фахретдин оставил свою должность *кади* в ОМДС и переехал в Оренбург, поступив на работу в качестве заместителя редактора газеты «Вакыт» («Время») (Мәрданов Р.Ф. «Шура» журналы (1908–1917): әдәбият мәсьәләләре. Казан: Рухият, 2001. 54 б.).

трального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири — ЦДУМ — в 1922–1936 гг. На протяжении десяти лет вышло 240 номеров журнала. Относительно долгое существование журнала по сравнению с другими изданиями объясняется, прежде всего, мощной финансовой поддержкой: издателями были братья-золотопромышленники Мухаммадшакир и Мухаммадзакир Рамиевы[17]. В то же время журнал носил аполитичный характер, обусловленный позицией главного редактора[18]. Во многом благодаря этой позиции издание не было закрыто по цензурным соображениям[19].

Выбор данного источника обусловлен тем, что вопросы, поднимаемые в журнале «Шура», охватывали самый широкий круг проблем татарско-мусульманского общества. Главный редактор публиковал разные позиции по одному и тому же вопросу, при этом направляя дискуссию. Кроме того, издание, как правило, высоко оценивалось современниками[20].

Анализ материалов издания построен по принципу *«вызов — ответ»*, введенному А. Тойнби; этот принцип позволяет объяснить процессы модернизации традиционных обществ. По мнению Тойнби, «социальная группа, слой, класс, в чем-либо ущемлен-

17. Мухаммадзакир Рамиев (1859–1921) — известный татарский поэт, писавший под псевдонимом Дэрдмэнд. Хәмидуллин Л. Рәмиевләр матбагасы // Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик җыентык. Казан: Рухият, 2002. 76 б.

18. Аполитичность издания нередко становилась причиной нападок. Так, известный татарский писатель, современник журнала «Шура» Гаяз Исхакый (1878–1954) отмечал, что «журнал не выдерживает критики», прежде всего, по причине аполитичности издания, избегавшего давать комментарии относительно тех политических процессов, которые происходили в начале XX в. и нуждались в оценке («Шура» журналы // Исхакый М.Г. Әсәрләр: 15 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1998. 6 т. Публицистика һәм әдәби тәнкыйть мәкаләләре. 2005. 121–124 б.).

19. Следует отметить, что хотя цензоры на первых порах с трудом определяли идейную направленность тех или иных изданий, принадлежность к оппозиции являлась важнейшей чертой в характеристике газеты или журнала. (*Амирханов Р.У.* Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток — Запад»: (на примере развития русской культуры). Казань: Татарское книжное издательство, 2002. С. 18.) В то же время издания проверялись и на предмет наличия пантюркистских и панисламистских идей. Поэтому, опасаясь обвинений в панисламизме и пантюркизме, мусульманские журналисты все меньше обращались к изданиям остального исламского мира (Dudoignon, S. (2006). “Echoes to al-Manar among the Muslims of the Russian Empire. A Preliminary Research Note on Riza al-Din b. Fakhr al-Din and Sura (1908–1918)”, in *Intellectuals in the Modern Islamic World. Transmission, Transformation, Communication*, p. 86. London, New York: Routledge).

20. Так, видный татарский богослов Муса Бигиев (1873–1949) оценивая издание, называл его «самым уважаемым из наших журналов» (*Бигиев М.Ж.* Коръән Кәримнең вужһ гарәбиясе, аять кәримәләре хакында // Шура. 1912. №2. 46 б.).

ные собственными действиями, действиями ли других людей, либо волею случая, утратив нечто жизненно важное, направляют свою энергию на выработку свойства, возмещающего потерю, в чем, как правило, достигают немалых успехов»[21]. Это положение достаточно точно отображает суть процессов, происходивших среди российских мусульман в начале XX в.

Вопросы, поднимаемые на страницах периодических изданий татар-мусульман Российской империи, нередко рассматривались через призму понятия «прогресса» (*тараккы/тараккыят*)[22]. Призывы реформировать, изменить общество очень часто были связаны с беспокойством о судьбе нации (*миллета*). Даже богословские вопросы, к примеру, касающиеся комментирования Корана, рассматривались с точки зрения того, как конкретная проблема могла отразиться на судьбе народа в случае ее неразрешенности. Прогресс (*тараккы*) представлялся конечной целью, идеалом, к которому стремились участники дискуссий.

В научной литературе для описания данного периода долгое время использовался термин «джадидизм»[23], который был приложим к различным сюжетам: от школьных реформ до нациестроительств[24]. Однако в последних работах релевантность ис-

21. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2002. С. 136.

22. Татарский писатель и общественный деятель Г. Ибрагимов (1887–1938) понимание прогресса у татарско-мусульманских интеллектуалов описывал следующим образом: «В одежде, во внешнем строении жизни и вообще во всех светских делах, в торговле, ремеслах, промышленности, в воспитании и образовании нужно брать пример с Европы. Необходимо сбросить покрывала с женщин. Учиться нужно в русских по европейскому образцу организованных школах. Только таким путем можно вывести нацию на широкую дорогу прогресса». (*Ибрагимов Г.* Татары в революции 1905 года. / Перевод с татарск. Г. Мухамедовой, под ред. Г.Ф. Линсцера. Казань: Издание Государственного издательства ТССР, 1926. С. 32.). Аналогичный «прогрессоцентричный» дискурс в своей статье рассматривают А. Бустанов и Д. Дородных: *Бустанов А., Дородных Д.* Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 127. Более подробно о концепции прогресса в татарской периодике см.: *Брилева Д.* О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2(36). С. 21–23.

23. Джадидизм (от арабского, в татарской фонетической традиции, «ысул джадид» — новый метод) — новый метод образования, который стал вводиться отдельными его сторонниками в этно-конфессиональных учебных заведениях татар-мусульман Российской империи.

24. Так, С. Дюдуаньон определяет джадидизм как социально-политический реформизм (Dudoingnon, S.A. (2001) “Status, Strategies and Discourses of a Muslim «Clergy» under a Christian Law: Polemics about the Collection of the Zakat in Late Imperial Russia”, *Islam and Policy in Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth*

пользования этого термина подвергается сомнению. В частности, в программной статье Д. ДеВиза подвергаются критике существующие подходы к изучению джадидизма, в которых утверждаются «оригинальность, влияние и важность» последнего[25]. А. Бустанов и Д. Дородных предлагают историографический анализ существующих подходов к изучению джадидизма[26].

В рамках данного исследования мы хотели бы позволить говорить самим источникам — публикациям журнала «Шура», избегая «ориенталистских» оценок. Поэтому ниже в качестве ключевой мы будем рассматривать концепцию «прогресса нации», во имя которого затевались как сами дискуссии, так и планы реформирования общества. С понятием прогресса тесно связана идея создания «нового мусульманина». Какими характеристиками должен обладать типичный представитель нового поколения мусульман? Какие изменения следовало провести в обществе для формирования нового типа людей? Эти вопросы являются ключевыми для понимания концепции «нового мусульманина», зародившейся в татарской периодической печати между двумя революциями.

«Новый мусульманин» как ответ вызову времени

Реформаторский дискурс татар-мусульман Российской империи, начавшийся в трактатах и со временем охвативший периодическую печать, развивался вокруг идеи прогресса нации (*милле-та*). Идея прогресса рождалась как решение основной проблемы, с которой сталкивались не только мусульмане Волго-Уральского региона, но и мировая *умма* в целом: стагнация, отставание мусульман от представителей других культур, прежде всего, «Запада», во многих, если не во всех сферах жизни. Поскольку журнал «Шура» не затрагивал вопросов политики (в особенности вну-

Centuries), p. 43. London, Kegan Paul). По мнению историка А. Халида, джадидизм — это реформистское движение, «новый способ познания ислама», заключавшийся в «обращении к письменным исламским источникам, не обремененным комментариями и глоссариями, которые на протяжении нескольких веков тщательно разрабатывали ученые» (*Халид А.* Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 68).

25. DeWeese, D. (2016) “It Was a Dark and Stagnant Night (‘til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia”, *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 59 (1–2): 37–92.

26. *Бустанов А.К., Дородных Д.В.* Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи. С. 113–117.

тренней, имперской), основные дискуссии разворачивались вокруг экономической и культурной стагнации. По причине аполитичной позиции главного редактора издания, поиски причин и формирование ответа происходили без учета политического фактора. Прогресс нации должен был осуществляться через подготовку поколения «новых мусульман» (*яна кеше житештеру*). Они же рассматривались как основные «потребители» прогресса.

Э. Тоффлер в своей работе «Третья волна» описывает вторую, индустриальную, «волну» через призму отношения людей к прогрессу:

> Атеисты и богословы, студенты и профессора, политики и ученые проповедовали новую веру. Бизнесмены и депутаты, говоря о новом заводе, новом изделии, новом доме, шоссе или дамбе, неизменно подчеркивали, что это продвижение вперед от плохого к хорошему или же от хорошего к лучшему. Поэты, драматурги и живописцы считали прогресс само собой разумеющимся[27].

Индустриализация Российской империи, которая не обходила стороной и татар-мусульман, делала необходимым появления нового человеческого типа, «совместимого с прогрессом». На страницах татарской периодики довольно отчетливо просматривается деление народов на две группы по принципу «мы — они», и это деление во многом совпадает с дихотомией «Восток — Запад», при этом Запад здесь выступает в качестве носителя прогресса. Поэтому западные сообщества становились объектом интереса, в особенности в вопросах «технологии» формирования человека — системы воспитания и образования. Иногда в категорию Запада авторы статей включали и Стамбул, как место, в который уже проник прогресс. Отчасти этим объясняется высокий интерес журнала «Шура» к положению дел в этом городе. При этом важно заметить, что прогресс понимался не столько как процесс развития, сколько как некоторый статичный идеал, и потому авторы, восхищаясь результатами прогресса, были избирательны в поисках путей их достижения: прогресс необходим, но нужно найти к нему другой, *коранический* путь. Таким образом, приверженность идее прогресса необходимо было сочетать с исламом, и «новый мусульманин» должен был быть лояльным своей ре-

27. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 84.

лигиозной традиции[28], и в то же время найти себя в стремительно меняющемся мире, жить в нем достойно.

Механизм создания нового мусульманина покоился на двуедином процессе: воспитания и образования. «Тарбия ва тагълим» («Воспитание и образование») — так называлась рубрика, которая на протяжении всех десяти лет встречалась почти в каждом номере, а в одном номере вмещала в себя иногда до пяти статей разного объема. Эти публикации представляли собой как циклы, которые поднимали наиболее сложные вопросы, требовавшие более детального рассмотрения (в их рамках часто велись публичные дискуссии), так и разрозненные статьи. В статьях рассматривались как общие вопросы педагогики[29] (особенности мусульманского воспитания детей[30], цели преподавания и воспитания[31], методы воспитания[32]), так и достаточно узкоспециальные темы — к примеру, воздействие курения на детей[33], влияние детских игрушек на психику ребенка[34], мнения выдающихся людей о педагогике[35]. Кроме того, цикл содержал также и материалы для воспитателей[36], учителей[37] и родителей[38]. Отдельно рассматривались проблемы воспитания и образования девочек[39].

Название рубрики собственно и формирует те два направления, по которым планировалось «создавать» нового человека: воспитывать и давать разностороннее образование.

28. Здесь следует отметить, что под «религиозной традицией» понимаются не локальные формы ислама, а скорее «универсальный» ислам, поскольку авторы журнала «Шура» и, прежде всего, главный редактор выступали против различных форм «народного ислама» и за «чистоту» религии.
29. Балалар тәрбиясе // Шура. 1909. № 13. 405–406 б.
30. Биктимеров Ә. Мөселманларда бала тәрбиясе // Шура. 1908. № 15. 485–487 б.
31. К. Тәгълим вә тәрбиянең мәһияте вә мондан максат // Шура. 1908. № 23. 737 б.
32. Акчурина М. Тәрбия вә җәза // Шура. 1911. № 16. 500–501 б.; Ысул тәгълим вә тәрбия // Шура. 1911. № 23. 726 б.
33. Г. Д. Тәмәкенең балаларга тәэсире // Шура. 1909. № 20. 628–629 б.
34. Г. Д. Бала уенчыкларына дикъкать // Шура. 1909. № 21. 662–663 б.
35. Бала тәрбиясе хакында бәгъзе педагогларның сүзләре. (Төрекчәдән) // Шура. 1910. № 10. 305–307 б.
36. К. Мураббилар дикъкатенә // Шура. 1909. № 10. 312–313 б.
37. Балалар тәрбиясе вә ибтидәи сыйныфларда тәгълим // Шура. 1909. № 19. 598–600 б.
38. Гаилә тәрбиясе // Шура. 1909. № 9. 276 б.
39. Кызлар тәрбиясе // Шура. 1909. № 11. 345–346 б.

> Если мы в вопросе «производства» человека не задумаемся, прежде всего, над заменой существующего метода воспитания, то есть метода поддержания дисциплины и метода обучения, и над совершением революции в этой сфере... то настоящей революции у нас не будет[40].

В воспитательном компоненте можно выделить две основные идеи:

1. Комплексность воспитания, охватывающего самые различные аспекты развития ребенка: интеллектуальное и психическое развитие, религиозный и нравственный аспекты воспитания, воспитание национального патриотизма, а также забота о физическом развитии детей.
2. Роль семьи и в особенности матери в воспитании ребенка, воспитание «идеальной матери», способной обеспечить детям разностороннее развитие.

Другие актуальные социальные проблемы мусульманского общества России обсуждались в связи с их отношением к проблеме создания «нового мусульманина». Так, вопрос правильного распределения *закята* рассматривался именно в связи с его применением во благо системы образования, которая, в свою очередь, была нужна для поколения «новых мусульман». Обеспечение молодого поколения «новых мусульман» возможностью заниматься высокооплачиваемым квалифицированным трудом предполагалось осуществить благодаря совершенствованию финансирования системы этно-конфессионального образования, путем более рационального перераспределения средств, полученных от сбора *закята* (предлагалось направление средств на развитие системы образования).

В материалах, касающихся положения женщины подчеркивалась ее исключительная роль в деле воспитания и просвещения детей[41].

Свой путь к прогрессу, согласно авторам статей, должен отличаться от прямого копирования западных форм и стандартов; прогресс должен быть достигнут через воспитание в детях национального (*милли*) патриотизма, необходимого для сохране-

40. Әл-Мүслими Г. Тәдрис вә тәрбия мәсьәләсе // Шура. 1915. № 21. 667 б.

41. Подробнее о гендерном дискурсе в татарской периодике см.: *Брилева Д.* О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2(36). С. 17–36.

ния собственной идентичности. В этой связи в одной из статей критикуется практика использования труда иностранных гувернанток при воспитании детей на примере османского Стамбула:

> Если мы и не имеем опыта привлечения нянек и воспитательниц для детей из числа представительниц других народов, то в Турции подобные попытки уже предпринимались... Там уже поняли, что невинных детей нельзя отдавать в руки иностранок и начали искать пути решения этой проблемы[42].

Автор убедительно советует читателям пользоваться услугами представительниц своего народа, чтобы ребенок не был с детства оторван от традиционных ценностей: «Думаю, что обучение ребенка языку или подготовку его к школе можно осуществлять и с помощью нянек из числа представительниц своего народа»[43].

Необходимым признается воспитание детей в национальной атмосфере, дабы дети росли, проникнувшись любовью к нации (*миллет*) и родине:

> Мы говорим, что необходимо воспитывать детей в национальном духе (*милли тарбия*), прививать любовь к народу (*миллет*)... Семья может как взрастить в сердце ребенка необыкновенную любовь к народу и родине (*миллет ва ватан*), так может и внушить отвращение к ним и даже обратить во врага самой семьи[44].

В основе идентичности «нового мусульманина» лежала этно-религиозная составляющая. Теперь было важно осознавать себя не просто как мусульман России, а скорее как татар-мусульман. Говоря о необходимости воспитывать детей в атмосфере, пропитанной национальным духом (*милли рух*)[45], авторы статей противопоставляли национальное воспитание религиозному. Так, автор статьи «Национальный дух в наших школах»[46] сетует, что

42. Әл-Мүслими Г. Бала тәрбиясендә гаилә // Шура. 1914. № 24. 760 б.

43. Әл-Мүслими Г. Бала тәрбиясендә гаилә // Шура. 1915. № 1. 23 б.

44. *Әл-Мүслими Г.* Бала тәрбиясендә гаилә // Шура. 1914. № 17. 533 б.

45. *Ядгәри М.* Мәктәпләремезнең балаларга милли рух бирә алмавы // Шура. 1913. № 15. 471 б.; *Әхмәд С.* Милли тәрбия вә милли рух хакында // Шура. 1915. № 4. 118–119 б.; *Терешкави Г.* Тәрбиягә гаид интикад // Шура. 1915. № 4. 119–121 б.; Г. Д. — М. Мәктәпләремездә милли рух // Шура. 1910. № 18. 565–566 б.

46. Г. Д. — М. Мәктәпләремездә милли рух. 565–566 б.

в народе крепко укоренилось религиозное сознание в противовес национальному, которое почти отсутствует среди простых людей:

> Если сегодня в нашем народе и есть какой-либо дух, что-то, что заставляет немного задуматься, так это религиозные чувства, отравленные суевериями. О какой бы проблеме ты с ним ни говорил, к чему бы ни пытался привлечь его внимание, он будет смотреть на это сквозь те же очки и рассуждать об этом со своей точки зрения, при этом заблуждаясь. Если начнешь говорить в деревне о национальных проблемах, о том, как мы отстали и как нас притесняют, не сомневайся, что услышишь ответ религиозного характера, мол «слава Богу, пока никто не запрещает строить мечети и возносить хвалу Всевышнему»[47].

Для пробуждения истинного национального самосознания населения предлагалось действовать через школы:

> Вот если бы и мы, чуть поумнев, стали придавать значение преподаванию в школе истории нашего народа и родного языка, и в результате, урокам, касающимся нашего народа, может, и у нас вырастало бы много людей, понимающих проблемы нации[48].

Воспитание должно было дополняться хорошим образованием. Анализ статей журнала «Шура», посвященных вопросам образования, позволяет выстроить следующую схему развития данной системы:

1. построение собственной системы образования, которая включала бы средние и высшие учебные заведения профессионального образования, в том числе и развитие женского образования;
2. подготовка педагогов нового образца, способных осуществить более глубокие реформы в области образования;
3. в период построения собственной системы образования информирование и мотивирование молодого поколения для обучения в зарубежных университетах, как на Востоке, так и на Западе.

«Новый мусульманин» по-прежнему оберегался от возможной русификации, опасность которой, по мнению ряда авторов, исхо-

47. Там же. 566 б.

48. Там же.

дила из обучения в русско-татарских школах: «Они [сторонники русско-татарских школ], не стремясь распространить христианство среди мусульман, решили совсем не затрагивать тему религии, рассчитывая, что образование само сблизит их с русской культурой и русскими (*руслык*)»[49]. В то же время отношение к подобным школам не было однозначным, поскольку они могли служить одной из ступеней к повышению уровня образованности:

> ...Для татар простое изучение русского языка, которое является единственным плодом министерских школ, нельзя считать удовлетворительным образованием. Но невозможно отрицать и того, что эти министерские школы постепенно вольно или невольно приобщают мусульман к европейской позиции (культурной установке) и само знание русского языка открывает татарам еще больше возможностей для получения образования[50].

Заключение

Период между двумя революциями был временем широких дискуссий, развернувшихся в периодической прессе татар-мусульман. Эти дискуссии, бравшие свое начало из богословских трактатов, охватывали как собственно религиозные вопросы, так и социально-экономические и литературные. И религиозные (*дини*), и мирские (*дуньяви*) вопросы рассматривались сквозь призму «прогресса нации» (*тараккы-е миллет*). Судьба нации была наиболее животрепещущей темой, вокруг которой формировался реформаторский дискурс татар-мусульман.

Основным вызовом для татарского мусульманского сообщества России начала XX в. была неконкурентоспособность молодого поколения мусульман по сравнению с представителями других культур, их неспособность адаптироваться к менявшимся условиям жизни. Ответ на этот вызов видели в создании сообщества и человека нового типа. Так, на страницах журнала «Шура» мусульманской интеллигенцией формировался образ «нового мусульманина», способного вести достойное существование благодаря полученному качественному образованию и хорошему воспитанию. Воспитательный компонент включал в себя ком-

49. Ф.К. Русиядә инородец мәктәпләре // Шура. 1908. № 8. 238 б.

50. Ф.К. Русия мөселманларында мәктәп, мәгариф вә әдәбият // Шура. 1908. № 2. 49–50 б.

плексное развитие детей в национальных традициях. Что же касается образования, то делался акцент на получении профессиональных знаний на родине, поскольку несмотря на то, что из крупнейших джадидских медресе вышли известные писатели, поэты, журналисты, деятели культуры и искусства, выпускники большинства учебных заведений продолжали оставаться неконкурентоспособными на рынке труда. Для поиска оптимальных путей развития местного образования журнал «Шура» часто обращался к иностранному опыту, в особенности — к опыту Османской империи.

Однако этим реформам не было суждено осуществиться: Октябрьская революция 1917 г. поставила перед татарским мусульманским сообществом России совершенно иные вызовы, притом что фокус на нации (*миллет*) был сохранен.

Библиография / References

Источники

Шура. Оренбург, 1908–1917.

Литература

Амирханов Р. У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток — Запад»: (на примере развития русской культуры). Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Бобровников В.О. Два исторических этюда о мусульманах империи (Рец. на: Allen J. Frank. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910; Paul W. Werth. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905.) // Вестник Евразии. 2003, № 1(20), с. 196–203.

Брилев Д. «Запретный» ислам в советской Украине // Islamology. № 7 (2). 2017. С. 150–163.

Брилева Д.С. И. Гаспринский и газета «Терджиман» в журнале «Шура» (1908–1917) // Исламоведение. 2015. № 2 (24). С. 5–16.

Брилева Д. О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2(36). С. 17–36.

Бустанов А.К., Дородных Д.В. Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 112–133.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. / Перевод с татарск. Г. Мухамедовой, под редакцией Г.Ф. Линсцера. Казань: Издание Государственного издательства ТССР, 1926.

Мәрданов Р. Ф. «Шура» журналы (1908–1917): әдәбият мәсьәләләре. Казан: Рухият, 2001.

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2002.

Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.

Усманова Д.М. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.) //Ab Imperio. 2015. №. 2. С. 106–153.

Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005.

Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Хәмидуллин Л. Рәмиевләр матбагасы // Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик җыентык. Казан: Рухият, 2002. 69–79 б.

«Шура» журналы // Исхакый М.Г. Әсәрләр: 15 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1998. 6 т. Публицистика һәм әдәби тәнкыйть мәкаләләре. 2005. 121–124 б.

Sources

Shura. Orenburg, 1908–1917.

Literature

Amirkhanov, R.U. (2002) *Tatarskaia dorevoliutsionnaia pressa v kontekste «Vostok — Zapad»: (na primere razvitiia russkoi kul'tury)* [Tatar pre-revolutionary press in the context "Orient — West" opposition]. Kazan'.

Bobrovnikov, V.O. (2003) "Dva istoricheskikh etiuda o musul'manakh imperii (Rets. na: Allen J. Frank. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910; Paul W. Werth. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905.)" [Two historical essays about the Muslims of the Empire. Book review], *Vestnik Evrazii* 1(20): 196–203.

Brilev, D. (2017) "«Zapretnyi» islam v sovetskoi Ukraine" ["Forbidden" Islam in Soviet Ukraine], *Islamology* 7(2): 150–163.

Brileva, D. (2018) "O zhenshchine I ustami zhenshchiny: musul'manka v tatarskoi periodicheskoi pechati nachala XX v." [Women talking about women: a Muslim woman in the Tatar periodical press of the early 20th century], *Gosudarstvo, religiia, tserkov v Rossiii za rubezhom* 2(36): 17–36.

Brileva, *D.S.* (2015) "I. Gasprinskii i gazeta «Terdzhiman» v zhurnale «Shura» (1908–1917)" [I. Gasprinskii and the newspaper «Terdzhiman» in the journal «Shura» (1908–1917)], *Islamovedenie* 2(24): 5–16.

Bustanov, A., Dorodnykh, D. (2017) "Dzhadidizm kak paradigma v izuchenii islama v Rossiiskoi imperii" [Jadidism as a paradigm for studying Islam in the Russian Empire], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossiii i za rubezhom* 3(35): 112–133.

DeWeese, D. (2016) "It Was a Dark and Stagnant Night ('til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia", *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 59(1–2): 37–92.

Dudoignon, S. (2006) "Echoes to al-Manar among the Muslims of the Russian Empire. A Preliminary Research Note on Riza al-Din b. Fakhr al-Din and Sura (1908–1918)", in *Intellectuals in the Modern Islamic World. Transmission, Transformation, Communication*. London-New York: Routledge.

Dudoingnon, S.A. (2001) "Status, Strategies and Discourses of a Muslim «Clergy» under a Christian Law: Polemics about the Collection of the Zakat in Late Imperial Russia", *Islam and Policy in Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries),* pp. 43–73. Londres, Kegan Paul.

Gerasi, R. (2013) *Okno na Vostok: Imperiia, orientalizm, natsiia i religiia v Rossii* [Window on the East: National and Imperial identities in late Tsarist Russia]. Moscow.

Ibragimov, G. (1926) *Tatary v revoliutsii 1905 goda* [Tatars in the 1905 Revolution]. Kazan'.

Iskhakyi, M.G. (2005) "«Shura» zhurnaly" [The journal «Shura»], *Eserler: 15 t. 6 t. Publitsistika hem edebi tenkyit' mekalelere,* pp. 121–124. Kazan.

Khalid, A. (2010) *Islam posle kommunizma: Religia i politika v Tsentral'noi Azii* [Islam after Communism: religion and politics in Central Asia]. Moscow.

Khemidullin, L. (2002) "Remievler matbagasy [The Ramievs' printing house]", *Bertugan Remievler: Fenni-biografi kjyentyk*. Kazan.

Merdanov, R.F. (2001) *«Shura» zhurnaly (1908–1917): edebiiat mes'elelere* [The journal «Shura» (1908–1917): issues of literature]. Kazan.

Toffler, A. (1999) *Tret'ia volna* [The third wave]. Moscow.

Toynbee, A. (2002) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow.

Tolz, V. (2013) «*Sobstvennyi Vostok Rossii»: politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late Imperial and early Soviet periods]. Moscow.

Usmanova, D.M. (2005) *Musul'manskie predstaviteli v rossiiskom parlamente. 1906–1916* [Muslim representatives in the Russian parliament. 1906–1916]. Kazan'.

Usmanova, D.M. (2015) "Musul'manskie metricheskie knigi v Rossiiskoi imperii: mezhdu zakonom, gosudarstvom i obshchinoi (vtoraia polovina XIX — pervaia chetvert' XX vv.)" [Muslim metric books in the Russian Empire: between the law, state and community (second half of 19th — first quarter of 20th centuries)], *Ab Imperio* 2: 106–153.

Werth, P. (2012) *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznnobraziia Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, non-Orthodoxy and other faiths: essays on the history of religious diversity of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.